

УДК 81'23

ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ АНАЛИЗА ТРИЛИНГВАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ¹

Тамара Ивановна Доценко

к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков
и методики преподавания языков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. tamaradotsenko@bk.ru

Юлия Ефимовна Лещенко

к. филол. н., доцент кафедры прикладного и теоретического языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990 г. Пермь ул. Букирева, 15. naps536@mail.ru

Татьяна Сергеевна Остапенко

старший преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. osttania@yandex.ru

В статье рассматривается современный подход к феномену мультилингвизма (многоязычия), а также представлена динамическая модель мультилингвизма, используемая зарубежными лингвистами в качестве метода реконструкции языкового сознания мультилингвального говорящего. В ходе экспериментального исследования адаптированный вариант данной модели применяется для анализа ситуации комбинированного трилингвизма, характерного для представителей этнических групп (коми-пермяков и татар), проживающих на территории РФ и в той или иной степени владеющих тремя языками (национальным, русским, иностранным). Результаты исследования демонстрируют, что в пределах относительно гомогенных групп триязычных информантов выявляются три основные разновидности комбинированного трилингвизма, различающиеся между собой уровнем сформированности языковой компетенции и степенью соотнесенности языков в едином сознании. Предполагается, что данные разновидности могут рассматриваться как универсальные конфигурации комбинированного трилингвизма.

Ключевые слова: мультилингвизм; динамическая модель мультилингвизма; национально-русский билингвизм; комбинированный трилингвизм; разновидности комбинированного трилингвизма.

На рубеже XX–XXI вв. лингвистика и смежные с ней науки (психолингвистика, социолингвистика, нейролингвистика) начинают уделять особое внимание проблемам, связанным с феноменом мультилингвизма/многоязычия, понимаемым в самом общем виде как фундаментальная человеческая способность осуществлять коммуникацию на нескольких языках [Franceschini 2009: 33–34]. Изучение мультилингвизма как относительно самостоятельное научное направление зародилось в рамках теории билингвизма/двуязычия, рассматривающей вопросы использования социумом или отдельным индиви-

дом двух языков [Grosjean 2010; Hoffmann 1991; Mackey 1962; Weinreich 1953].

В настоящее время общая теория мультилингвизма находится на стадии формирования, что подразумевает разработку собственного теоретико-методологического аппарата, формулирование основных целей и задач исследований, а также накопление экспериментальной базы. При этом, если на начальных стадиях формирования данной теории авторы были склонны рассматривать мультилингвизм как расширенный вариант билингвизма, отличающийся от него количеством известных индивиду языков, то на сегодняшний

день все чаще звучит упоминание о существовании принципиальных качественных различий между явлениями би- и мультилингвизма.

Данное предположение во многом опирается на современное представление о языковом сознании мультилингва как о сложной нелинейной динамической системе, общие свойства которой не складываются из простой суммы свойств ее элементов (известных индивиду языков) [Ellis 2008]. Учитывая, что несколько языков, сосуществующих в едином сознании, вступают в сложные отношения, основанные на разнообразных взаимодействиях и взаимных влияниях, мультилингвальное сознание может приобретать целый ряд уникальных, специфических свойств, которые не будут представлены в билингвальном сознании. Другими словами, конфигурация мультилингвального языкового сознания определяется не «суммирующими отношениями» (additive relationships), т. е. не простым увеличением/уменьшением определенных свойств системы, складывающимся из свойств отдельных элементов, но «отношениями умножения» (multiplication relationships), подразумевающими возникновение качественных изменений общей конфигурации системы в результате сложных взаимодействий между ее элементами [Aslin 1993].

Традиционное разграничение мультилингвизма на подвиды основано, в первую очередь, на простом подсчете количества известных индивиду языков. Самой распространенной разновидностью мультилингвизма на сегодняшний день принято считать трилингвизм (умение пользоваться тремя языками), при этом уровень владения каждым из языков может быть различным (от максимально высокого для родного/родных языков до достаточно низкого для неродного/неродных языков).

В то же время, с точки зрения теории нелинейных динамических систем при выявлении разновидностей мультилингвизма необходимо учитывать не только количественные, но и качественные параметры, поскольку специфические свойства формирующейся в сознании индивида сложной мультилингвальной системы будут во многом определяться специфическими свойствами входящих в ее состав языков: собственно лингвистическими (типологическими особенностями языковых систем), а также экстралингвистическими (связанными с особенностями усвоения и использования языков в речевой практике их носителя).

Очевидно, что изучение различных конфигураций мультилингвизма должно осуществляться в рамках единой модели, позволяющей применять универсальные паттерны для описания разных проявлений изучаемого феномена. Мы полагаем,

что в качестве такой обобщающей модели может выступать динамическая модель мультилингвизма (ДММ – Dynamic Multilingual Model / DMM), ориентированная на поиск универсальных принципов организации и функционирования мультилингвального языкового сознания как единого, сложно взаимосвязанного целого [Herdina, Jessner 2002]. В рамках своей модели авторы ДММ, Филип Хердина и Ульрика Йесснер, рассматривают различные варианты комбинации языков в индивидуальном сознании, моделируют разные типы взаимоотношений между языками, а также прогнозируют возможные варианты развития всей системы в целом, которые определяются совокупностью отдельных траекторий развития каждого из элементов.

Одним из ключевых в ДММ является положение о том, что языковое сознание мультилингва представляет собой систему открытого типа, которая испытывает на себе влияние самых разнообразных психологических и социальных факторов. Как отмечают авторы модели, на развитие мультилингвальной системы могут влиять даже самые незначительные, на первый взгляд, факторы, и это влияние зачастую приводит к непредсказуемым последствиям, т. е. языковое сознание мультилингва находится в состоянии «чувствительной зависимости» от разных аспектов, характеризующих особенности овладения и/или использования всех известных индивиду языков [Jessner 2008: 277]. Именно сложная взаимосвязь данных факторов и определяет уникальную конфигурацию мультилингвального сознания в каждом отдельно взятом случае.

В рамках ДММ предполагается, что формирование и последующее функционирование мультилингвальной системы всегда сопровождается двумя взаимосвязанными процессами: «ослаблением/утерей языка» (language attrition/loss) и «поддержанием языка» (language maintenance), протекающими одновременно и являющимися зеркальным отражением друг друга. По мнению авторов модели, два эти процесса являются постоянно «включенными» в работу мультилингвального сознания, т. е. языки мультилингва непрерывно находятся в состоянии либо активного использования, либо постепенной деградации. Результатом взаимодействия этих двух процессов оказывается постоянная адаптация уровня языковой компетенции к коммуникативным потребностям индивида [Herdina, Jessner 2002: 91]. Подобные колебания языковой компетенции принимаются в модели ДММ за основу для выделения отдельных разновидностей мультилингвизма.

Так, например, при анализе трилингвальной ситуации авторы ДММ обращают особое внима-

ние на уровень сформированности и степень языковой компетенции в каждом из языков, разграничивая трилингвизм, основанный на амбилингвальном билингвизме (ambilingual bilingualism) и трилингвизм, основанный на неамбилингвальном билингвизме (non-ambilingual bilingualism).

Амбилингвальным считается такой тип билингвизма, при котором уровень владения двумя языками достигает максимально высокого уровня, сопоставимого с уровнем владения монолингвальных носителей этих же языков. При амбилингвальном билингвизме обе языковые системы (LS_1 и LS_2) являются активно используемыми, при этом ни одна из них не претерпевает никаких изменений, то есть не подвергается про-

цессу вытеснения/деградации под влиянием другого языка (см. рис. 1).

Под неамбилингвальным билингвизмом понимается ситуация, при которой два известных индивиду языка не достигают того идеального уровня сформированности языковой компетенции, который характеризует моноязычных говорящих. В случае неамбилингвального сбалансированного билингвизма оба языка характеризуются приблизительно одинаковым уровнем владения (см. рис. 2); при неамбилингвальном несбалансированном билингвизме один язык (LS_1) выступает в роли первичного, доминантного языка, в то время как второй язык (LS_2) выступает в роли вторичного, подчиненного первому.

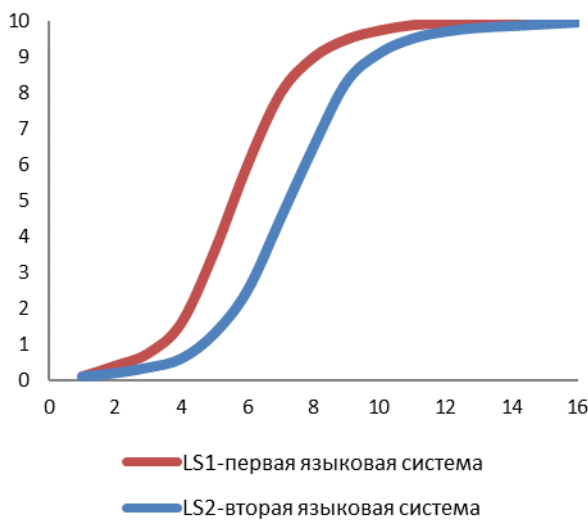

Рис. 1. Амбилингвальный сбалансированный билингвизм ²

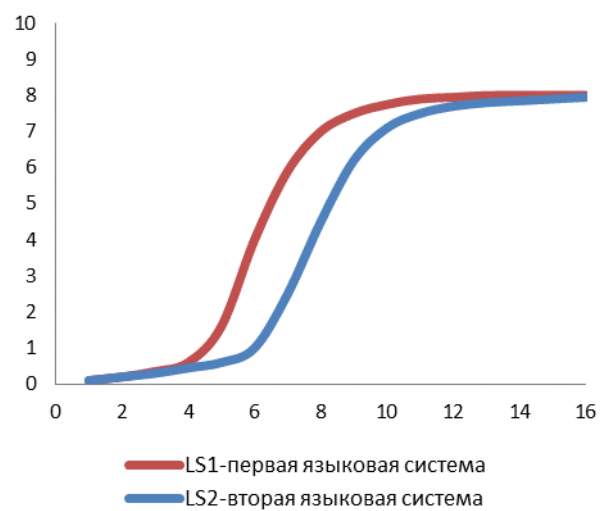

Рис. 2. Неамбилингвальный сбалансированный билингвизм ³

Авторы модели ДММ предполагают, что амбилингвальность представляет собой достаточно редкое, исключительное явление; гораздо чаще знание нескольких языков коррелирует с неамбилингвальностью языкового сознания: усилия, прикладываемые индивидом для усвоения дополнительного языка/языков, влекут за собой снижение уровня владения ранее усвоенным/усвоенными языками. Так, в ситуации трилингвизма усвоение и активное использование третьего языка (третичная языковая система / LSt) приводит к существенному спаду в уровне владения одним из ранее усвоенных языков (вторичная языковая система / LSs) на фоне неизменно высокого уровня владения другим языком (первичная языковая система / LSp) (см. рис. 3).

Предполагается, что подобная тенденция объясняется действием механизма адаптации, который обеспечивает баланс языкового сознания мультилингва путем «пассивизации» менее востребованного языка. Авторы модели ДММ отме-

чают, что данная ситуация в большей степени характерна для двуязычных иммигрантов, проживающих на территории ЕС: в том случае, если один из их родных языков в определенный период времени оказывается менее востребованным или невостребованным в коммуникации, он начинает замещаться третьим (более востребованным) языком. При этом третий язык не вытесняет полностью второй язык, а лишь меняется с ним местами по критерию «уровень сформированности языковой компетенции».

В рамках данного исследования нас интересовал вопрос о специфике трилингвизма, сформированного у представителей двуязычных этнических групп, проживающих на территории РФ и не являющихся мигрантами, т. е. достаточно активно пользующихся двумя родными языками, но изучающими при этом третий (иностраный) язык в учебных условиях. В данном случае мы сталкиваемся с комбинацией двух разных способов усвоения второго и третьего

языков (естественным и искусственным) одним и тем же говорящим, что приводит к формированию трилингвизма особого типа – комбинированного трилингвизма – как противопоставленного естественному трилингвизму (усвоение

второго и третьего языков в естественной языковой среде) и учебному трилингвизму (усвоение второго и третьего языков в искусственной языковой среде) [Лещенко 2018; Лещенко, Доценко, Остапенко 2018].

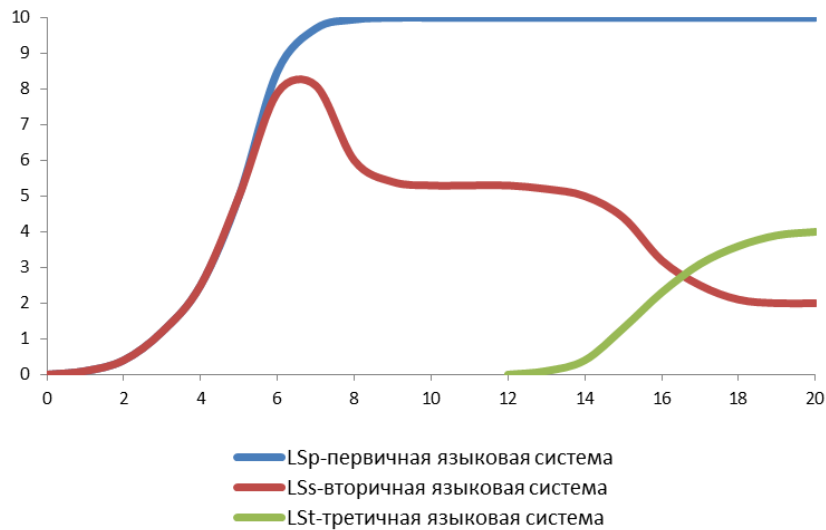

Рис. 3. Усвоение третьего языка на фоне билингвизма ⁴

В ходе исследования был проведен письменный социолингвистический опрос с двумя группами естественных билингвов, изучающими иностранный (английский) язык: 1) носителями коми-пермяцкого и русского языков – студентами коми-пермяцкого-русского отделения Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета в возрасте 18–20 лет (35 чел.) и 2) носителями татарского и русского языков – студентами Осинского педагогического колледжа в возрасте 18–19 лет (32 чел.).

Опросник включал в себя 26 вопросов, касающихся особенностей усвоения и использования информантами всех трех языков. Для реализации целей данного исследования были проанализированы ответы на следующие вопросы:

- с какого возраста вы говорите на коми-пермяцком и русском / татарском и русском языках?
- на каком языке (коми-пермяцком или русском / татарском или русском) вы начали говорить раньше?
- в каком возрасте вы начали изучать иностранный язык?
- оцените ваш уровень владения каждым из трех языков по десятибалльной шкале (1 – минимальный уровень владения, 10 – максимально высокий уровень владения).

При анализе результатов опросника мы исходили из предположения о том, что все наши информанты являются неамбилингвальными носителями родных языков, т. е. во всех случаях уровень владе-

ния национальным и русским языками не достигает идеального уровня, характеризующего монолингвального говорящего. При выделении разных конфигураций комбинированного трилингвизма учитывался порядок и возраст усвоения трех языков; в качестве ведущего критерия выступала субъективная оценка информантами уровня языковой компетенции по отношению к каждому из языков. В результате мы выявили следующие типы комбинированного трилингвизма, сформированного у носителей коми-пермяцкого и русского / татарского и русского языков, изучающих английский в качестве третьего языка.

1. Сбалансированный комбинированный трилингвизм (см. рис. 4) – ситуация, при которой национальный и русский языки усваиваются одновременно в раннем детстве, а уровень владения ими оценивается как максимально высокий (10–9 баллов по предложенной нами шкале). Что касается английского языка, то начало его усвоения соотносится с младшими классами общеобразовательной школы, а уровень владения достигает 7–8 баллов. Мы полагаем, что, поскольку, языковая компетенция, сформированная в искусственных условиях, в принципе не соотносима с компетенцией в родном/родных языках, данная оценка может быть принята за максимальную, т. е. все три языка могут условно рассматриваться как сбалансированные в сознании комбинированного трилингва.

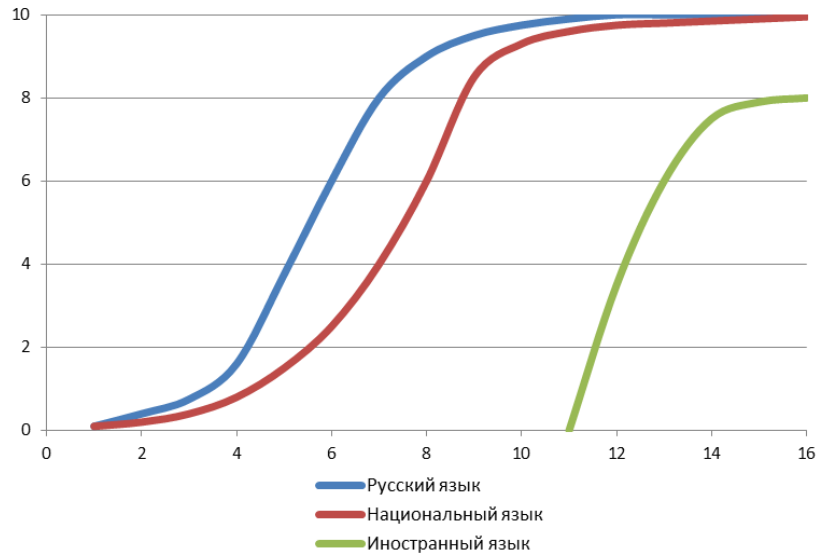

Рис 4. Сбалансированный комбинированный трилингвизм

2. Несбалансированный комбинированный трилингвизм характеризуется разным уровнем языковой компетенции в национальном, русском и иностранном языках, а также разным возрастом и последовательностью их усвоения. В материалах нашего исследования данный вид трилингвизма представлен двумя разновидностями: 1) комбинированный трилингвизм, не сбалансированный по отношению к двум языкам, и 2) комбинированный трилингвизм, не сбалансированный по отношению к трем языкам.

Комбинированный трилингвизм, не сбалансированный по отношению к двум языкам, подразумевает, что уровень языковой компетенции в одном из языков является противопоставленным уровню языковой компетенции в двух других языках. Так, например, мы можем выделить случаи, при которых информанты характеризуются низким уровнем владения английским языком на фоне высокого уровня владения коми-пермяцким/татарским и русским языками – это первый вариант данного типа трилингвизма (см. рис. 5.1).

С другой стороны, возможен второй вариант такого типа трилингвизма, при котором наблюдается высокий уровень владения только одним из усвоенных естественным образом языком (коми-пермяцким/татарским либо русским), в то время как второй естественно усвоенный язык по уровню владения соотносится с иностранным (см. рис. 5.2).

Что касается комбинированного трилингвизма, не сбалансированного по отношению к трем языкам, то он представляет собой случай, при котором уровень владения коми-пермяцким/татарским, русским и английским языками является различным (см. рис. 6). Так, возможен высокий уровень владения коми-пермяцким/татарским языком, средний

уровень владения русским языком и низкий уровень владения английским языком, либо высокий уровень владения русским языком, средний уровень владения коми-пермяцким/татарским языком и низкий уровень владения английским языком.

Далее мы сопоставили количественное распределение данных типов трилингвизма у информантов – представителей двух разных этносов (см. рис. 7). Как показывают данные, представленные на гистограмме, наиболее часто встречающейся разновидностью комбинированного трилингвизма является трилингвизм, не сбалансированный по отношению к двум языкам (60% у информантов-татар и 57% у информантов – коми-пермяков), далее по частоте встречаемости следует комбинированный трилингвизм, не сбалансированный по отношению к трем языкам (37% у татар и 38% у коми-пермяков), в единичных случаях встречается сбалансированный комбинированный трилингвизм (3% у татар и 5% у коми-пермяков).

По всей видимости, такое распределение типов билингвизма обусловлено временем усвоения языков нашими информантами: согласно данным проведенного опроса в большинстве случаев коми-пермяцкий/татарский и русский языки были усвоены информантами в раннем детстве или в дошкольном возрасте и на момент опроса являлись функционально активными (часто использовались в коммуникации для решения разного рода задач – учебных, общебытовых и т. п.). В связи с этим более чем у половины информантов общий уровень языковой компетенции как в коми-пермяцком/татарском, так и в русском языках достигает стабильно высокого и примерно одинакового уровня на фоне низкого/среднего уровня владения английским языком.

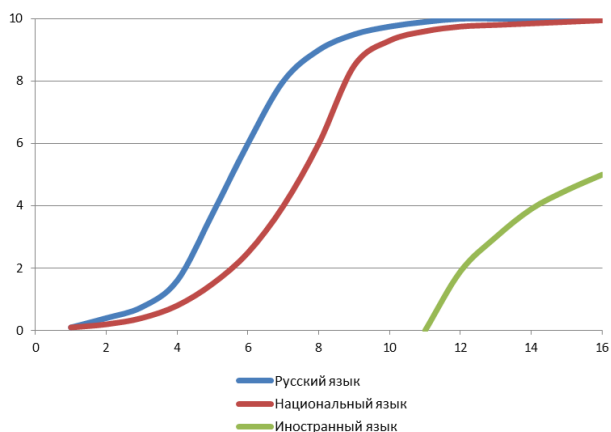

Рис. 5.1. Комбинированный трилингвизм, не сбалансированный по отношению к двум языкам (вариант 1)

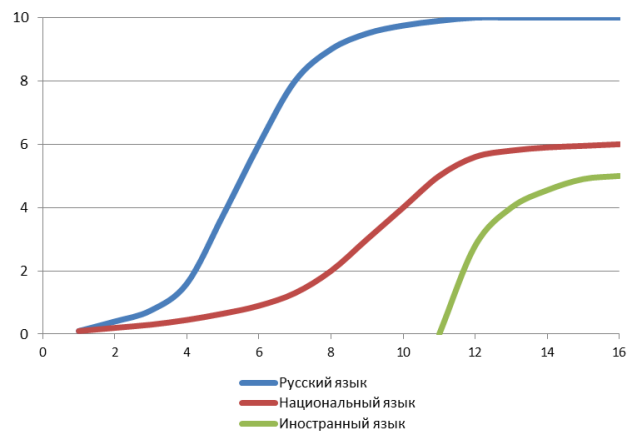

Рис. 5.2. Комбинированный трилингвизм, не сбалансированный по отношению к двум языкам (вариант 2)

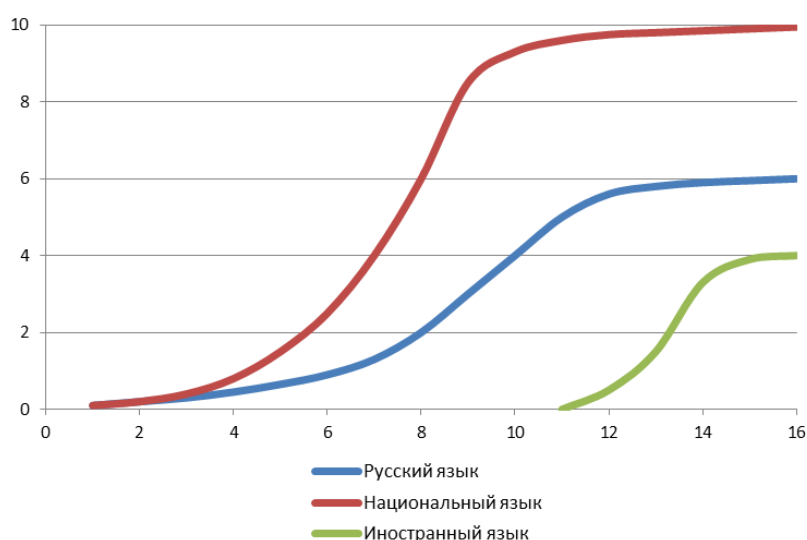

Рис. 6. Комбинированный трилингвизм, не сбалансированный по отношению к трем языкам

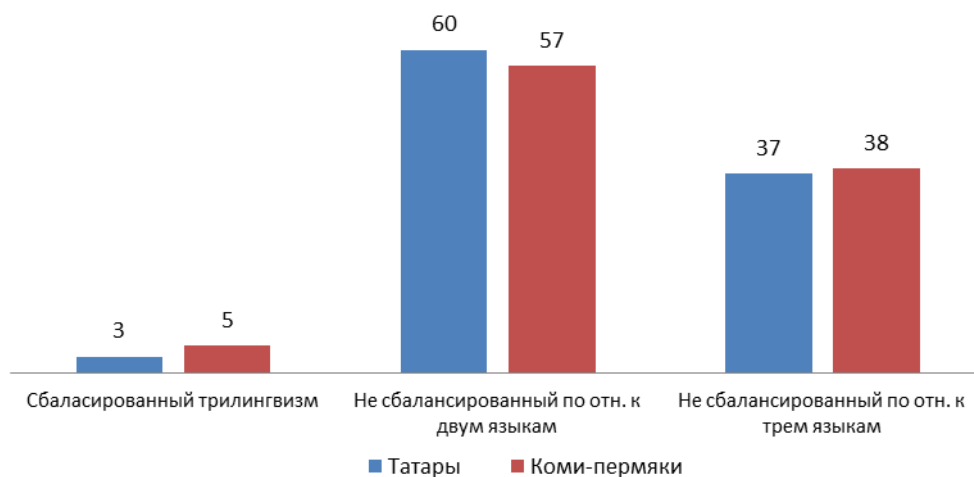

Рис. 7. Распределение типов комбинированного трилингвизма у информантов, %

Таким образом, языковая триада, представленная в сознании говорящих, распадается, с одной стороны, на коми-пермяцкий/татарский и русский языки, формирующие тесно связанную пару, и, с другой – на противопоставленный им иностранный язык, строго ограниченный по частоте и сферам своего употребления.

В то же время примерно у трети информантов уровни языковой компетенции в коми-пермяцком/татарском и русском языках существенно различаются, при том что уровень языковой компетенции в английском языке остается низким. Это позволяет говорить об относительном обособлении каждой из языковых систем, т. е. о такой языковой триаде, в которой каждый элемент (коми-пермяцкий/татарский, русский и английский языки) оказывается достаточно четко противопоставлен двум другим.

Лишь в единичных случаях мы наблюдаем высокий уровень языковой компетенции во всех трех языках, что позволяет рассматривать их как равноправные, тесно связанные между собой элементы, формирующие в своей совокупности единое целое.

Как видим, количественное распределение разных типов трилингвизма, сформированных у информантов – коми-пермяков и татар, является практически одинаковым (разница между представителями двух этносов варьирует в пределах 1–3%, т. е. является статистически незначимой). Следовательно, выявленные нами разновидности комбинированного трилингвизма могут считаться типичными для рассматриваемых групп билингвов, проживающих на территории РФ и изучающих третий язык в качестве иностранного.

Таким образом, как показывают результаты проведенного исследования, в пределах относительно гомогенных в социальном отношении групп триязычных информантов, условия усвоения трех языков у которых были примерно одинаковыми, выявляются определенные разновидности комбинированного трилингвизма, различающиеся между собой уровнем языковой компетенции. Мы полагаем, что выявленные разновидности трилингвизма: сбалансированный комбинированный трилингвизм; комбинированный трилингвизм, не сбалансированный по отношению к двум языкам, и комбинированный трилингвизм, не сбалансированный по отношению к трем языкам, – могут рассматриваться как универсальные конфигурации языков, характерные для национально-русских билингвов, изучающих третий язык в учебных условиях.

Каждая из конфигураций комбинированного трилингвизма характеризуется разными типами взаимоотношений, объединяющими националь-

ный, русский и иностранный языки, которые формируют различные типы иерархий/оппозиций языков в сознании говорящего. Так, три языка могут быть представлены в виде относительно самостоятельных элементов системы, противопоставленных друг другу по ряду критериев; могут образовывать языковые диады (два языка, объединенные одним/несколькими общими признаками), противопоставленные третьему языку; могут формировать единую триаду, все элементы которой представляют собой тесно связанное целое.

Полученные результаты позволяют утверждать, что трилингвизм представляет собой достаточно разнородное явление, формируемое совокупностью нескольких основных разновидностей, или подтипов. Каждая разновидность трилингвизма имеет свою уникальную конфигурацию, обусловленную влиянием целого ряда социолингвистических и психолингвистических факторов. Очевидно, что изучение вариативности таких конфигураций должно осуществляться в рамках общей формализованной модели, способной, с одной стороны, учитывать все разнообразие специфических свойств отдельных разновидностей трилингвизма, а с другой – интегрировать эти разновидности в единую комплексную систему с присущими ей универсальными динамическими и структурными свойствами. Полагаем, что опора на динамическую модель мультилингвизма открывает широкие перспективы для исследований подобного типа.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №17-29-09074/18 «Комбинированное триязычие и его влияние на языковую и когнитивную деятельность индивида: интегративная модель».

² Рисунок взят из [Herdina, Jessner 2002: 119]. Здесь и далее на рисунках на оси X показано время (возраст носителя языка), а на оси Y – условная оценка уровня владения языком (10 – самый высокий уровень).

³ Рисунок взят из [Herdina, Jessner 2002: 120].

⁴ Рисунок взят из [Herdina, Jessner 2002: 124].

Список литературы

Лещенко Ю.Е. К вопросу об оппозициях языков в ситуации комбинированного триязычия // Глобальный научный потенциал. 2018. № 6(87). С. 18–21.

Лещенко Ю.Е., Доценко Т.И., Остапенко Т.С. Моделирование межъязыковых взаимодействий в трилингвальном лексиконе: кодовые переключения // Когнитивное моделирование: тр. Шесто-

го Междунар. форума по когнитивному моделированию / ред. С.И. Масалова, В.Н. Поляков, В.Д. Соловьев; Фонд науки и образования. Ростов н/Д, 2018. С. 108–115.

Aslin R. Commentary: The Strange Attractiveness of Dynamic Systems to Development // A Dynamic Systems Approach to Development: Applications / L. Smith, E. Thelen (eds.). Cambridge MA: MIT Press., 1993. Pp. 380–401.

Ellis N. The Dynamics of Second Language Emergence: Cycles of Language Use, Language Change, and Language Acquisition // The Modern Language Journal. 2008. Vol. 92(2). Pp. 232–249.

Franceschini R. Genesis and Development of Research in Multilingualism: Perspectives for Future Research // Exploration of Multilingualism: Development of Research on L3, Multilingualism and Multiple Lan-

guage Acquisition / L. Aronin, B. Hufeisen (eds.). Amsterdam: John Benjamins. 2009. Pp. 27–61.

Grosjean F. Bilingual: Life and Reality. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. 276 p.

Herdina P., Jessner U. A Dynamic Model of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics. Clevedon; Buffalo; Toronto; Sydney, 2002. 182 p.

Hoffmann C. An introduction to bilingualism. London; New York: Longman, 1991. 353 p.

Jessner U. A DST Model of Multilingualism and the Role of Metalinguistic Awareness // The Modern Language Journal. 2008. Vol. 92. Pp. 270–283.

Mackey W.F. The Description of Bilingualism // Canadian Journal of Linguistics. 1962. Vol. 7(2). Pp. 51–85.

Weinreich U. Languages in Contact, Findings and Problems. New York: Linguistic Circle of New York, 1953. 148 p.

ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ АНАЛИЗА ТРИЛИНГВАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Tamara I. Dotsenko

Associate Professor, General Linguistics, Russian and Komi-Permyak languages and Methods of Teaching Languages Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

Yuliya E. Leshchenko

Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
South Ural State University

Tatiana S. Ostapenko

Senior Lecturer, the Roman-Germanic Languages and Cross-Cultural Communication Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

The paper discusses modern approach to multilingualism and presents the Dynamic multilingual model used by foreign linguists as a method of reconstructing linguistic consciousness of a multilingual speaker. In the course of the experimental research the adapted variant of this model is applied for analyzing the situation of combined trilingualism characteristic for representatives of ethnic groups (the Komi-Permyaks and the Tatars) who reside on the RF territory and speak three languages (the ethnic, Russian and foreign ones). The research results demonstrate that within relatively homogeneous groups of trilingual speakers three types of combined trilingualism distinguishing in the level of linguistic competency and the degree of how the three languages are interrelated in linguistic consciousness can be revealed. The authors argue that the revealed types can be considered as general configurations of combined trilingualism.

Keywords: multilingualism; Dynamic multilingual model; national-Russian bilingualism; combined trilingualism; types of combined trilingualism.